

РОМАН АКОПОВ

НЕУЖЕЛИ ВЫ
ОСТАВИТЕ
МЕНЯ
ОДНОГО?

Аннотация

Зло — это умышленное намеренное сознательное причинение кому-либо вреда, страданий. В какой-то степени зло живёт в каждом из нас. Но насколько близко мы его знаем? Возможно, оно пылает в наших друзьях и знакомых, возможно, в пьянице, что живёт в соседнем подъезде. Неужели вы считаете, что зло не живёт у вас по соседству?

Роман Акопов

Неужели Вы оставите меня одного?

Сухой отчет распечатан и передан на стол Станиславу. Грубая папка с надписью «Дело __» была готова, оставалось вшить распечатанные листы. Такие папки заводились по большим «праздникам»: будь то поджог, убийство, или кража в особо крупном размере. Благо, в маленьком и спокойном городке подобные дела были редкостью. Бытовое насилие без поножовщины (90 процентов случаев) проходило по административной статье. Вокруг иных, уголовных дел, мухами скапливались местные журналисты. Всего для маленького очерка в колонке «происшествия». Уголовные события редко разрастались до масштабов объемных статей, где с энтузиазмом обсуждали виновников, но, если уж разрастались, то непременно привлекали внимание обывателей, и продажи газетных изданий стремительно росли. Народ любит простые истории с четким разделением на чёрное и белое. Так легче быть правым в своих осуждениях. Новое дело не обещало быть чем-то примечательным. Потому оно попало на стол Станиславу. Он был сравнительно молодым следователем без претензий на скорое повышение. После академии и выслуги лет его

направили с большого города в провинцию, где он спокойно осел с женой и ребенком. Былые протесты уступили место медитативной семейной жизни со средним достатком. Отпуска на юге летом, круг близких друзей, что еще нужно для счастья? Громкие дела брали немногочисленные коллеги из убойного отдела, чтобы вырасти в глазах опостылевшего круга школьных задиры и соседских теток. Станислав, напротив, ценил провинциальный уют.

Следователь взял в руки отчет. Старо как мир. Ревнивый любовник заколол женщину насмерть, Карлыбину Веру Ивановну. Восемнадцать ножевых. Среди рабочего класса, день за днем занятых на вредном и трудоемком производстве, либо пьянками паленой дешевой водкой с друзьями по двору, бытовые конфликты не редкость. А подавляющее большинство жителей в городе (ранее поселке городского типа) и представляли рабочий класс. Интересен был главный свидетель. Пацан, для кого происшествие стало самой огромной трагедией. Он видел всё. Ночью поступил в дежурную часть звонок, куда тот обратился, заливаясь слезами. Все было описано с пугающей подробностью:

— Алло, полиция.

— Здравствуйте! К нам с мамой пришел человек. Он угрожает ей ножом. Пожалуйста,

сделайте что-нибудь, — последние слова утопали в слезах.

— Успокойтесь, скажите, вы можете описать этого человека?

— Это дядя Саша. Он в черной кожаной куртке. Он сильно пьян. Он угрожает маме. Пожалуйста, поскорее приезжайте.

— Хорошо. Ваш адрес: улица Ленина, дом 18? Наряд уже выслан к вам! Сохраняйте спокойствие. Опишите нападающего.

— Дядя Саша. Он пьян. Он стоит над мамой с кухонным ножом. Говорит, что она ему изменяла. Он ее бьет, кричит! Пожалуйста, сделайте что-нибудь! Он бьет ее ножом в живот! Мам! Ма-а-а-ам!!! Нет!!! Дядя Саша, неееет!

Связь прерывается. Отчет составлен из записей диспетчера. Мда...

Что-что, а с истеричными родственниками обвиняемых, или потерпевшими разговор получался у Станислава не из лучших. Первые любили устраивать сцены из-за «ошибочно обвиненного», а то и «подставленного ментовским отродьем», а вторые, ввиду пережитых потрясений, не могли адекватно ответить ни на один вопрос. Понятно, что состояние аффекта, но всегда есть шанс по горячим следам вычислить преступника. В теории. В реальности, такой допрос походил на лотерею с самыми невероятными вариантами

ответов. Свидетель ожидал в коридоре. Станислав сочувствовал парню, но лишь отчасти — как-никак, а следственный опыт понемногу выветривал остатки сострадания.

Парень сидел, понутив голову. Не каждому приходится такое пережить. Он был лет тринадцати в ободранной оранжевой футболке, старых большеватых джинсах и с отросшими сальными волосами. Станислав невольно почесал лысеющую макушку.

— Дмитрий Карлыбин? Заходи.

Дмитрий поднял голову. Лицо парня было покрыто ссадинами и фингалами на обеих щеках под опухшими от слёз красными глазами. Он покорно встал и направился в кабинет следователя.

— Я прочитал отчет, — сказал Станислав, когда свидетель сел напротив него, — расскажи мне про этого дядю Сашу.

Мальчишка обратил изможденное лицо к следователю и сказал:

— Дядя Саша. Большой такой. Это он убил маму, — на его глазах вновь налились слёзы, — в черной куртке.

Голос допрашиваемого звучал тихо, почти шёпотом с заметной хрипцой. В горле следователя собрался комок. «Я же тоже отец... А если бы Ваня да на его месте?..» — пронеслось в голове.

— Забыл представиться. Буденов Станислав

Витальевич, я буду вести это дело. Дим... Ты не против, если я буду называть тебя Димой?

— Нет, не против, — безучастно ответил парень.

— Так вот, Дима, что там случилось с твоей мамой и дядей Сашей?

— Дядя Саша с нами полгода был, — после непродолжительной паузы ответил мальчишка, — где-то то они с мамой повстречались. Мама не рассказывала, где. Он часто был у нас в гостях. Говорил, ему у нас нравится. Меня донимал, но это не страшно, главное — мама рада ему была.

— Синяки он тебе поставил?

— Где-то он, где-то в школе. Я уже и не помню. Я дома редко старался быть.

— Почему в полицию не звонили? Если он тебя избивал. Мама что, терпела?

— Не надо так о маме! — с болью в голосе прокричал Дима. Так громко, как только мог, — она не виновата. Сначала все было хорошо. А потом...

— Что потом, Дим?

— Потом Дядя Саша стал пить... Вы не подумайте, раньше он меня не нарочно... Так, говорил, безотцовщина... А тут начал. Сначала меня, потом маму. Когда не пил, так ластился к ней, мол «люблю, люблю»... А как выпьет, так начинает: все вы одинаковые: что твой подонок, что

ты!.. — парень был опять готов разрыдаться, — он же сидевший...

Дима не выдержал. Со своим многолетним опытом Буденов не знал, куда себя подать. Он поднялся, набрал из чайника кружку воды и поднес пареньку. Тот сделал жадный глоток и замолчал.

— Прямо как у Шекспира, правда, Станислав Витальевич? — следователь опешил. Он не знал, то ли ему удивляться начитанности Димы, то ли тому, что мальчишка с первого раза запомнил его имя и отчество.

— Мы в школе проходили, — как бы между делом оправдывался Дима, — Станислав Витальевич, у меня фотки остались дяди Саши. Это поможет?

— Конечно поможет. Может, что-нибудь ещё? Его фамилия, номер телефона? — парень отрицательно покачал головой, — ладно, покажи фотографию.

Дима вытащил из кармана старый потертый телефон и подал следователю.

— Вот, это с дня рождения мамы, — на маленьком экране на Станислава смотрели улыбающиеся лица.

Фотография была низкого качества с шумами и рябью, но люди на ней легко узнавались. Брюнетка в темно-коричневом джемпере — почившая мать Димы; за плечи ее обнимал высокий